

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.15.22.006

Раскрытие субъективного права в аграрном законодательстве**Карандаева Татьяна Сергеевна**

Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Аннотация

С проблематикой обеспечения экологической безопасности как объективной категории и субъективного права в сфере специального природопользования непосредственно связана тематика реализации Концепции устойчивого развития в этой сфере. Указанное обеспечение, с позиций автора, является разновидностью реализации основного фундаментального постулата устойчивого развития – единства и сбалансированности экологического (который заключается в необходимости безусловного недопущения нарушений экологической безопасности) и экономического (направленного на использование природных объектов на основании соответствующих разрешений именно как ресурсов) составляющих. Важность и незаурядная значимость надлежащего нормативного упорядочения отношений обеспечения экологической безопасности в сфере специального природопользования подтверждается также тем, что такое обеспечение, по нашему мнению, является формой реализации устойчивого развития в соответствующей сфере, то есть формой реализации наиболее распространенной и уважаемой концепции развития цивилизованного человечества в XXI веке. Учитывая это, раскрытие содержания концепции устойчивого развития имеет важное значение для выяснения правовой природы исследуемых в этой работе эколого-правовых явлений. Необходимость согласования указанных интересов составляет основу концепции устойчивого развития, поэтому есть основания констатировать признание важности такой концепции отечественным законодателем, ведь в процитированной статье Закона России «Об охране окружающей среды» де-юре содержатся наиболее общие и определяющие принципы регулирования всех экологических отношений.

Для цитирования в научных исследованиях

Карандаева Т.С., Забайкин Ю.В. Раскрытие субъективного права в аграрном законодательстве // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 10В. С. 385-392. DOI: 10.34670/AR.2020.15.22.006

Ключевые слова

Природная среда, устойчивое развитие, нормативы, экологическая безопасность, окружающая среда.

Введение

Де-факто об устойчивом развитии говорится в преамбуле к Закону России «Об охране окружающей среды», в которой указано, что охрана окружающей природной среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности жизнедеятельности человека – неотъемлемое условие устойчивого экономического и социального развития России; именно с этой целью Россия проводит на своей территории экологическую политику, направленную на сохранение безопасной для существования живой и неживой природы окружающей среды, защиты жизни и здоровья населения от негативного влияния, обусловленного загрязнением окружающей природной среды, достижения гармоничного взаимодействия общества и природы, охрану, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов.

Также прямо предусматривается, что Закон России «Об охране окружающей среды» определяет правовые, экономические и социальные основы организации охраны окружающей природной среды в интересах сегодняшнего и будущих поколений. Несмотря на спорность нормативной (общеобязательной) природы указанной преамбулы – фактически, «вступления» к основным положениям нормативного акта, ее содержание, который полностью отражает основные компоненты устойчивого развития, однозначно подтверждает, что системообразующий законодательный акт в экологической сфере должен быть направлен, прежде всего, на обеспечение устойчивого развития.

Кроме того, одним из основных принципов охраны окружающей среды в Законе России «Об охране окружающей среды» определено научно обоснованное согласование экологических, экономических и социальных интересов общества на основе сочетания междисциплинарных знаний экологических, социальных, естественных и технических наук и прогнозирования состояния окружающей природной среды. Необходимость согласования указанных интересов составляет основу концепции устойчивого развития, поэтому есть основания констатировать признание важности такой концепции отечественным законодателем, ведь в процитированной статье Закона России «Об охране окружающей среды» де-юре содержатся наиболее общие и определяющие принципы регулирования всех экологических отношений.

Основное содержание

Приведенное объясняется значением принципов права, независимо от отраслевой принадлежности, как руководящих принципов (идей), которые определяют содержание и направленность правового регулирования общественных отношений, ведь они в сжатом виде, концентрированно отражают самые существенные черты права, являются его квинтэссенцией, «лицом». Что же до принципов экологической безопасности, то в юридической литературе предложено рассматривать их как основополагающие идеи, выражающие сущность и социальное назначение этой отрасли, отражают ее главные свойства и особенности.

Стоит отметить, что в последнее время в России наблюдается тенденция к восстановлению внимания к вопросам устойчивого развития на высшем государственном уровне, как минимум, в программном формате.

Проведенный выше анализ дает основания для вывода, что категории «правовое обеспечение экологической безопасности» и «специальное природопользование» представляют собой формы проявления соответственно экологической и экономической составляющих устойчивого развития, а также влияют на реализацию социальной составляющей устойчивого развития, о чем пишут также представители науки экологического права. Так, отсутствие нарушений экологической безопасности при осуществлении права специального использования природных ресурсов и обеспечения во время такого осуществления количественно показателей окружающей среды в пределах, при которых они являются безопасными для жизни и здоровья человека, составляют содержание общественного экологического интереса. В свою очередь, реализация такого интереса, как отмечалось выше, позволяет обеспечивать социальные потребности населения, которые заключаются в том числе в возможности в условиях безопасной среды обитания осуществлять право на труд, развивать и укреплять социальные связи в обществе, получать образование и реализовывать свои наработки, направленные в том числе на обеспечение экологической безопасности природопользования.

Юридическая возможность (право) осуществлять природопользование с целью достижения определенной хозяйственной цели также является ничем иным, как экономическим интересом частного лица-пользователя. Принятие мер по обеспечению недопустимости нарушения экологической безопасности при реализации права специального использования природных ресурсов означает не запрет такого использования (что, очевидно, является утопическим), а лишь его ограничение определенными количественно-качественными показателями.

Следовательно, исследуемое в этой работе правовое обеспечение экологической безопасности можно считать тождественным обеспечению баланса экологической и экономической составляющих устойчивого развития. В свою очередь, такой баланс будет иметь место тогда, когда реализация права специального природопользования не будет нарушать экологической безопасности и не причинять опосредованного (через состояние окружающей среды) или прямого негативного влияния на жизнь или здоровье человека. Юридическим критерием отсутствия указанного негативного влияния должны быть именно современные научно обоснованные и нормативно закрепленные количественно-качественные показатели (нормативы).

Несмотря на распространение в юридической литературе позиции, в соответствии с которой юридическими критериями экологической безопасности являются экологические нормативы и экологические стандарты, считаем, что при современных условиях такой подход требует определенного уточнения. Так, даже не принимая во внимание устарелость подавляющего большинства указанных стандартов и нормативов, вследствие чего их параметры не распространяются на значительное количество современных угроз для экологической безопасности, нельзя игнорировать последние тенденции к отмене значительного количества таких нормативов и стандартов, закрепленных в том числе в актах санитарного законодательства, принятых в советское время. При этом такая отмена происходит при отсутствии соответствующих отечественных аналогов, которые должны быть приняты на замену отмененным. Итак, очевидно, что на сегодня экологические нормативы и стандарты не могут считаться современными критериями экологической безопасности, которые бы распространялись на все возможные экологические риски и содержали бы современные количественно-качественные требования, при соблюдении которых можно было бы утверждать, что экологическая безопасность обеспечена.

Достичь баланса экологической и экономической составляющих устойчивого развития в сфере специального природопользования (что, как указывалось выше, будет означать

обеспечение экологической безопасности в анализируемых в этой работе правоотношениях), по нашему мнению, возможно с помощью следующих правовых механизмов:

1) определения и нормативного закрепления четких современных количественно-качественных показателей экологической безопасности деятельности по реализации права специального природопользования за каждым видом пользования конкретным природным объектом (природным ресурсом и / или природным комплексом), при соблюдении которых может быть обеспечен баланс экологической и экономической составляющих устойчивого развития, а в реализации экономического интереса не может быть отказано;

2) введения нормативных механизмов стимулирования рационального (прежде всего – экологически безопасного) природопользования на общегосударственном и местном уровнях с целью уменьшения экологических рисков такой деятельности и, как следствие, – создание предпосылок для реального обеспечения баланса экологической и экономической составляющих устойчивого развития;

3) обязательное предсказание четких и однозначных экологических требований на уровне нормативноправовых актов, которыми установлены процедуры предоставления разрешительных документов на специальное природопользование;

4) введение полноценных правовых основ экологического мониторинга и исследования возможных воздействий специального природопользования на экосистемы в местах их совершения;

5) проведение уполномоченными государственными органами оценки безопасности использования природных ресурсов в отдельных регионах с учетом местных особенностей, состояния загрязнения окружающей среды и антропогенной нагрузки и формулировки по результатам этого конкретных требований относительно возможности выдачи соответствующих разрешительных документов на использование конкретных из названных ресурсов/комплексов или их частей. При этом результаты такой оценки должны оформляться документально, регулярно пересматриваться, публично публиковаться и иметь обязательное значение при принятии решения о предоставлении права специального использования;

6) проведение обязательной основательной предварительной оценки специалистами (их специальность и перечень должен быть определен с учетом особенностей конкретного природного ресурса) возможности обеспечения баланса экологической и экономической составляющих устойчивого развития в каждом конкретном случае предоставления разрешительного документа с закреплением по результатам такой оценки статуса обязательных для принятия решения о предоставлении/отказе в предоставлении соответствующего документа, с активным привлечением общественности к этому процессу;

7) определение действенных правовых средств обеспечения экологической безопасности во время осуществления специального природопользования (- установления субъективных обязанностей соответствующих природопользователей по соблюдению экологической безопасности в процессе реализации ими соответствующего права; - предвидения эффективных средств юридической ответственности за нарушение природопользователями их обязанности не нарушать экологическую безопасность; - внедрение эффективных процедур контроля по соблюдению природокористувачем экологической безопасности в процессе осуществления природопользования; - наличия эффективного правового механизма оперативной остановки (прекращения) права специального природопользования, при осуществлении которого нарушается экологическая безопасность).

При этом формирование нормативной базы процедуры соблюдения баланса экологической и экономической составляющих устойчивого развития, формой которой в исследуемой сфере

является процедура обеспечения экологической безопасности в сфере специального природопользования, следует осуществлять на основе антропоохранного подхода, представленных в независимой России школой экологического права МГУ. Согласно вышеуказанному подходу, учитывая то, что загрязненное антропогенными воздействиями окружающей среды является источником опасных воздействий на население фактически на всей территории нашего государства, есть необходимость принимать правовые меры по предупреждению и прекращению указанных воздействий. То есть, основной акцент при таком подходе делается на ограничении негативного влияния окружающей среды, измененного человеком, на его жизнь и здоровье.

Зато считаем, что вряд ли можно обеспечить экологическую безопасность при условии реализации так называемого природоохранного подхода, когда регулированию подлежат воздействия человеческой деятельности на окружающую природную среду и обеспечения экологической безопасности предлагается отождествлять с осуществлением природоохранных мероприятий.

Заключение

Как видим, два вышеназванные подходы предусматривают регламентацию обратных воздействий («окружающая среда – человек» по антропоохранного и «человек-окружающая среда» за природоохранного), по первому из которых экологическая безопасность при осуществлении специального природопользования (а значит – и баланс экологической и экономической составляющих устойчивого развития) будет обеспечиваться, а за второго – далеко не всегда. Объясняется такая ситуация, прежде всего, сущностью двух указанных выше влияний. Так, при условии упорядочения направления «окружающая среда» обеспечивается предупреждение и/или прекращение негативных воздействий загрязненной окружающей среды (окружающей природной среды и созданной человеком среды) на людей. Регламентация направления «человек-окружающая природная среда» в лучшем случае не допустит ухудшения количественно-качественных показателей опасного вследствие антропогенных влияний среды, однако не прекратит уже имеющихся вредных воздействий на население. Частичное прекращение указанного влияния природоохранного подхода возможно разве что путем нормативного стимулирования рационального (то есть направленного на улучшение качественных показателей, воспроизведения и очистка) природопользования, которое объективно не приведет к отсутствию всех возможных негативных воздействий окружающей среды на людей, поскольку нередко последнее является настолько загрязненным, что восстановить его показатели до предела безопасности невозможно.

Библиография

1. Borras Jr., S. M., & Franco, J. C. (2005). Struggles for land and livelihood: Redistributive reform in agribusiness plantations in the Philippines. *Critical Asian Studies*, 37(3), 331–361. <https://doi.org/10.1080/14672710500200383>
2. Cepraga, T., & Suditu, B. (2020). 'The village has straight streets and houses in line': the foundation of new settlements following the appropriation of the newlyweds in nineteenth century Romania. *GeoJournal*, 85(4), 913–931. <https://doi.org/10.1007/s10708-019-10000-w>
3. Cramer, C., & Wood, E. J. (2017). Introduction: Land rights, restitution, politics, and war in Colombia. *Journal of Agrarian Change*, 17(4), 733–738. <https://doi.org/10.1111/joac.12239>
4. Flachs, A. (2016). Redefining success: The political ecology of genetically modified and organic cotton as solutions to agrarian crisis. *Journal of Political Ecology*, 23(1), 49–70. <https://doi.org/10.2458/v23i1.20179>
5. Foley, M. W. (1995). Privatizing the countryside: the Mexican peasant movement and neoliberal reform. *Latin American Perspectives*, 22(1), 59–76. <https://doi.org/10.1177/0094582X9502200105>

6. Ghosh, S. (2019). Chor, Police and Cattle: The Political Economies of Bovine Value in the India–Bangladesh Borderlands. *South Asia: Journal of South Asia Studies*, 42(6), 1108–1124. <https://doi.org/10.1080/00856401.2019.1672926>
7. Guri, F., Jouve, A.-M., & Dashi, E. (2014). Impact of rural migration on farm land use in northeastern Albania [L’impact de l’exode rural sur les stratégies d’utilisation du foncier agricole dans le nord-est Albanais]. *New Medit*, 13(1), 22–30.
8. Herrera, A., & Molina, J. (2005). The PACTA project - Honduras [El Proyecto PACTA de Honduras]. *Land Reform, Land Settlement and Cooperatives*, (2), 74–81.
9. Kotilainen, S. (2012). Who sets the norms of naming? Traditional naming practices in Agrarian Finland and onomastic legislation. *Onoma*, 47, 137–161. <https://doi.org/10.2143/ONO.47.0.3085143>
10. Murray, M. J. (1988). ‘Burning the Wheat Stacks Land Clearances and Agrarian Unrest along the Northern Middelburg Frontier, c. 1918-1926. *Journal of Southern African Studies*, 15(1), 74–95. <https://doi.org/10.1080/03057078808708192>
11. Ortega López, T. M. (2007). Miseries of rural fascism. Labour relationships in the Spanish agriculture, 1936-1948 [Las miserias del fascismo rural. Las relaciones laborales en la agricultura española, 1936-1948]. *Historia Agraria*, 17(43), 531–553.
12. Portnova T. «The dying swan» by A. Pavlova: choreography and iconography of the image // *Space and Culture, India*. 2019. T. 6. № 5. С. 241-251.
13. Portnova T. Information technologies in art monuments educational management and the new cultural environment for art historian // *TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics*. 2019. T. 8. № 1. С. 189-194.
14. Portnova T. Object-shaped world of ballet in the expositions and funds of theatrical museums of the world: to the question of the study of choreographic sources // *Brukenenthal. Acta Musei*. 2018. T. 13. № 2. С. 331-340.
15. Portnova T.V. Choreography sketches as a representational system of dance recording: from M. Petipa to M. Fokine // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 29. С. 88740.
16. Portnova T.V. Integration of science and art in the study of renaissance art culture // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 5 (41). С. 63-74.
17. Portnova T.V. Practices and methods for actualization of the scientific information in art excursions (excursions and cultural heritage in the contemporary world // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. T. 11. № 14. С. 6690-6696.
18. Portnova T.V. Self-determination of personality of creative beginning in choreographic context // *Space and Culture, India*. 2019. T. 7. № 2. С. 143-158.
19. Portnova T.V. Synthesized nature of fine arts and ballet theater: system analysis of genre development // *European Journal of Science and Theology*. 2018. T. 14. № 5. С. 189-200.
20. Portnova T.V. Principles and opportunities of the study of pictorial heritage in the practice of choreographic education // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. T. 11. № 12. С. 2043-2055.
21. Rejekiingsih, T., & Muryani, C. (2017). Civic agriculture concept as an educational strategy for the formation of good citizens to sustainably protect the environment. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 25(September), 305–318.
22. Schaefer, D. L. (2019). Agrarian (In) Equality (and Dependency) vs Commerce and Liberty: Reconsidering the Relation between Constitutional Government and Economic Inequality in the American Republic. *European Legacy*, 24(7–8), 769–788. <https://doi.org/10.1080/10848770.2019.1641311>
23. Thebe, V. (2017). Cultivating an agrarian middle class? Land reform, poverty reduction and social stratification in Southern Africa. *Africa Review*, 9(2), 186–204. <https://doi.org/10.1080/09744053.2017.1339399>
24. Traore, D. (1999). The state, collective tenure and community participation in Burkina Faso [L’etat, la tenure communautaire et la participation populaire au Burkina Faso]. *Land Reform, Land Settlement and Cooperatives*, (1–2), 120–134.
25. Портнова Т.В. Изображение и образ танца (эпизоды из творческого опыта мастеров русского балета конца XIX - начала XX в.) // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 1. № 1. С. 62-69.

Disclosure of subjective rights in agricultural legislation

Tat'yana S. Karandaeva

PhD in Philosophy, associate professor
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Russian State Geological Prospecting University,
117485, 23, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Abstract

The implementation of the Concept of Sustainable Development in this area is directly related to the problems of ensuring environmental safety as an objective category and a subjective right in the field of special nature management. This provision, from the author's point of view, is a kind of implementation of the main fundamental postulate of sustainable development – the unity and balance of environmental (which consists in the need to unconditionally prevent violations of environmental safety) and economic (aimed at using natural objects on the basis of appropriate permits as resources) components. The importance and extraordinary significance of proper regulatory regulation of relations to ensure environmental safety in the field of special nature management is also confirmed by the fact that such provision, in our opinion, is a form of implementation of sustainable development in the relevant field, that is, a form of implementation of the most widespread and respected concept of the development of civilized humanity in the XXI century. Taking this into account, the disclosure of the content of the concept of sustainable development is important for clarifying the legal nature of the environmental and legal phenomena studied in this work. The need to coordinate these interests is the basis of the concept of sustainable development, so there is reason to state the recognition of the importance of such a concept by the domestic legislator, because the cited article of the Russian Law " On Environmental Protection " de jure contains the most general and defining principles for regulating all environmental relations.

For citation

Karandaeva T.S., Zabaikin Yu.V. (2020) Raskrytie sub"ektivnogo prava v agrarnom zakonodatel'stve [Disclosure of subjective rights in agricultural legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (10B), pp. 385-392. DOI: 10.34670/AR.2020.15.22.006

Keywords

The natural environment, sustainable development, standards, environmental safety and the environment.

References

1. Borras Jr., S. M., & Franco, J. C. (2005). Struggles for land and livelihood: Redistributive reform in agribusiness plantations in the Philippines. *Critical Asian Studies*, 37(3), 331–361. <https://doi.org/10.1080/14672710500200383>
2. Cepraga, T., & Suditu, B. (2020). 'The village has straight streets and houses in line': the foundation of new settlements following the appropriation of the newlyweds in nineteenth century Romania. *GeoJournal*, 85(4), 913–931. <https://doi.org/10.1007/s10708-019-10000-w>
3. Cramer, C., & Wood, E. J. (2017). Introduction: Land rights, restitution, politics, and war in Colombia. *Journal of Agrarian Change*, 17(4), 733–738. <https://doi.org/10.1111/joac.12239>
4. Flachs, A. (2016). Redefining success: The political ecology of genetically modified and organic cotton as solutions to agrarian crisis. *Journal of Political Ecology*, 23(1), 49–70. <https://doi.org/10.2458/v23i1.20179>
5. Foley, M. W. (1995). Privatizing the countryside: the Mexican peasant movement and neoliberal reform. *Latin American*

- Perspectives, 22(1), 59–76. <https://doi.org/10.1177/0094582X9502200105>
6. Ghosh, S. (2019). Chor, Police and Cattle: The Political Economies of Bovine Value in the India–Bangladesh Borderlands. *South Asia: Journal of South Asia Studies*, 42(6), 1108–1124. <https://doi.org/10.1080/00856401.2019.1672926>
 7. Guri, F., Jouve, A.-M., & Dashi, E. (2014). Impact of rural migration on farm land use in northeastern Albania [L’impact de l’exode rural sur les stratégies d’utilisation du foncier agricole dans le nord-est Albanais]. *New Medit*, 13(1), 22–30.
 8. Herrera, A., & Molina, J. (2005). The PACTA project - Honduras [El Proyecto PACTA de Honduras]. *Land Reform, Land Settlement and Cooperatives*, (2), 74–81.
 9. Kotilainen, S. (2012). Who sets the norms of naming? Traditional naming practices in Agrarian Finland and onomastic legislation. *Onoma*, 47, 137–161. <https://doi.org/10.2143/ONO.47.0.3085143>
 10. Murray, M. J. (1988). ‘Burning the Wheat Stacks Land Clearances and Agrarian Unrest along the Northern Middelburg Frontier, c. 1918-1926. *Journal of Southern African Studies*, 15(1), 74–95. <https://doi.org/10.1080/03057078808708192>
 11. Ortega López, T. M. (2007). Miseries of rural fascism. Labour relationships in the Spanish agriculture, 1936-1948 [Las miserias del fascismo rural. Las relaciones laborales en la agricultura española, 1936-1948]. *Historia Agraria*, 17(43), 531–553.
 12. Portnova T. «The dying swan» by A. Pavlova: choreography and iconography of the image // *Space and Culture, India*. 2019. T. 6. № 5. С. 241-251.
 13. Portnova T. Information technologies in art monuments educational management and the new cultural environment for art historian // *TEM Journal: Technology, Education, Management, Informatics*. 2019. T. 8. № 1. С. 189-194.
 14. Portnova T. Object-shaped world of ballet in the expositions and funds of theatrical museums of the world: to the question of the study of choreographic sources // *Brukenthal. Acta Musei*. 2018. T. 13. № 2. С. 331-340.
 15. Portnova T.V. Choreography sketches as a representational system of dance recording: from M. Petipa to M. Fokine // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. T. 9. № 29. С. 88740.
 16. Portnova T.V. Integration of science and art in the study of renaissance art culture // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 5 (41). С. 63-74.
 17. Portnova T.V. Practices and methods for actualization of the scientific information in art excursions (excursions and cultural heritage in the contemporary world // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. T. 11. № 14. С. 6690-6696.
 18. Portnova T.V. Self-determination of personality of creative beginning in choreographic context // *Space and Culture, India*. 2019. T. 7. № 2. С. 143-158.
 19. Portnova T.V. Synthesized nature of fine arts and ballet theater: system analysis of genre development // *European Journal of Science and Theology*. 2018. T. 14. № 5. С. 189-200.
 20. Portnova T.V. Principles and opportunities of the study of pictorial heritage in the practice of choreographic education // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. T. 11. № 12. С. 2043-2055.
 21. Rejekiingsih, T., & Muryani, C. (2017). Civic agriculture concept as an educational strategy for the formation of good citizens to sustainably protect the environment. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 25(September), 305–318.
 22. Schaefer, D. L. (2019). Agrarian (In) Equality (and Dependency) vs Commerce and Liberty: Reconsidering the Relation between Constitutional Government and Economic Inequality in the American Republic. *European Legacy*, 24(7–8), 769–788. <https://doi.org/10.1080/10848770.2019.1641311>
 23. Thebe, V. (2017). Cultivating an agrarian middle class? Land reform, poverty reduction and social stratification in Southern Africa. *Africa Review*, 9(2), 186–204. <https://doi.org/10.1080/09744053.2017.1339399>
 24. Traore, D. (1999). The state, collective tenure and community participation in Burkina Faso [L’etat, la tenure communautaire et la participation populaire au Burkina Faso]. *Land Reform, Land Settlement and Cooperatives*, (1–2), 120–134.
 25. Portnova T. V. Image and image of dance (episodes from the creative experience of the masters of Russian ballet of the late XIX-early XX centuries). 2016. Vol. 1. No. 1. S. 62-69.